

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья
УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-347-357>

<https://elibrary.ru/VIETCI>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Репутация русской литературы за рубежом и русский текст мировой культуры: К постановке проблемы

© 2025, В.Е. Багно

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии
наук, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье изложена концепция отличия инонациональной репутации русской литературы от ее репутации в России, основу которой составили наиболее распространенные представления о национальном своеобразии русской литературы. Для мировой культуры, с точки зрения автора, наибольшее значение имело то представление о русской литературе, которое заключалось в напряженных поисках смысла жизни, активном сострадании к человеку, интересе к нравственной стороне человеческой личности, получившее благодаря книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» (1886), резонанс в мире. По аналогии с теорией В.Н. Топорова «Петербургского текста» русской литературы, те произведения русской литературы, которые для последующих поколений любителей русской словесности во всем мире отвечали и отвечают этой репутации, могут быть истолкованы, как «русский текст» мировой культуры.

Ключевые слова: репутация русской литературы за рубежом, русский текст мировой культуры.

Информация об авторе: Всеволод Евгеньевич Багно — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1408-5511>

E-mail: vsbagno@gmail.com

Для цитирования: Багно В.Е. Репутация русской литературы за рубежом и русский текст мировой культуры: К постановке проблемы // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 347–357. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-347-357>

Инонациональная репутация литературы представляет не меньший интерес для исследования, чем репутации отдельных ее представителей.

В первом абзаце предисловия к первому изданному тому «Истории русской литературы» под редакцией Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страды и Ефима Эткинда содержится обещание подвергнуть анализу в последнем томе этой «Истории» «специфический национальный характер русской литературы» [2, с. 7]. Однако последний том не был опубликован, соответствующая глава не была написана и не появилась.

Речь, как правило, идет о достаточно ограниченном круге особенностей и черт. Этих наследуемых из поколения в поколение, из работы в работу, базовых, основополагающих представлений было всего два, и они сосуществуют в мире вот уже почти полтора столетия.

Первое из этих представлений возникло в России, при этом рождаясь в жарких идейно-эстетических спорах на протяжении всего XIX столетия, оставаясь достоянием русской общественной и литературной мысли, и нашло блестящее воплощение в знаменитой книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман», которая вышла в свет в Париже в 1886 г. и получила мировой резонанс¹.

В 1880-е гг. вопрос о национальном своеобразии русской литературы и ее воздействии на литературную жизнь Запада был неразрывно связан с вопросом о соотношении между русским реализмом и наиболее влиятельной западноевропейской литературой того времени, французской, точнее — литературой французского натурализма. Вогюэ одним из первых со всей определенностью этот вопрос поставил и попытался на него ответить. Французский писатель-католик, сыгравший огромную роль в деле популяризации русской литературы и формирования нового представления о России, видит основное достоинство и бесспорное преимущество русского реализма в силе религиозного чувства, в том, что он согрет любовью к ближнему, состраданием людским несчастьям.

Другой особенностью русского реалистического романа он считает интерес к «мистическому смыслу жизненных явлений». Русские писатели, отмечает он, «изучают действительность так пристально, как не делал никто до них, кажется даже, что им неловко в этом замкнутом пространстве; и тем не менее, они размышляют

¹ *Vogüé Eugène-Melchior de. Le Roman Russe. Paris: Plon, 1886. LV, 347 p.* Книга до сих пор не переведена на русский язык, в 2005 г. было опубликовано авторское предисловие к ней: [3, с. 504–534].

над невидимым; описывая с крайней точностью знакомые всем вещи, они не забывают уделить особое внимание тому, что, как они подозревают, скрывается за ними» [3, с. 528].

Книга писателя, озабоченного оскудением религиозного чувства в странах Западной Европы и подчеркивавшего «буддийские» корни русской духовности и творчества особенно ценимого им Льва Толстого, в сущности, выполняла ту функцию, которую не могли выполнять для европейской публики доктрины славянофилов, поскольку они воспринимались как пропаганда извне. «Славянская раса, — утверждал Вогюэ, — не сказала еще своего великого слова в истории, а великое слово, которое любая раса призвана сказать, — это только религиозное слово. Под внешними покровами своего православия она его ищет в добросердечии, присущем всем слоям общества»².

Уже в 80-е гг. XIX в. и далее в значительной мере благодаря книге Вогюэ, которая пользовалась огромной популярностью, в центре дискуссий о русской литературе на Западе, оказался вопрос о причинах и характере влияния русских писателей, но также и о сущности русской литературы, о чертах ее отличия от литератур Запада. Для европейского читателя конца XIX в., не в последнюю очередь благодаря Вогюэ, своеобразие русской литературы (если собрать воедино наиболее распространенные суждения) заключалось в следующем: в напряженных поисках смысла жизни, отвечающих глубинным основам национального мироощущения, в неудовлетворенности теми представлениями о счастье, которые бытовали в западноевропейском романе, в активном сострадании человеку, поставленному в крайне тяжелое, унижительное положение, в удивительном богатстве внутреннего мира ее героев, в широте их интеллектуальных интересов.

Несомненно, что Толстой, Достоевский и Тургенев заинтересовали западноевропейского читателя выдвижением на первый план в своих романах нравственных вопросов. Русская литература на протяжении долгих десятилетий воспринималась во всем мире как литература, которая по сравнению с другими литературами проникнута большим интересом к нравственной стороне человеческой личности, большей тревогой за судьбу человека.

В той или иной мере на изложенные в этой книге взгляды опираются почти все авторы зарубежных историй русской литературы, но также и некоторых русских, созданных как до 1917 г., так

² *Vogüé Eugène-Melchior de. Le Roman Russe. Paris: Plon, 1886. P. 343.* Здесь и далее в тексте перевод выполнен автором статьи.

и эмигрантских, и современных. Большинство из них, ссылаясь на авторитет Вогюз в интересующем нас вопросе или нет, сознательно или неосознанно, являются наследниками и продолжателями французского критика.

Вторая концепция, по убеждению ее авторов, прежде всего советских, но также и значительной части литературоведов стран так называемого «социалистического лагеря», восходит к идеям В.И. Ленина.

Теоретической базой для работ советских исследователей о мировом значении русской литературы служат статьи В.И. Ленина «Что делать?» и о Льве Толстом. Ленин отметил, что русский писатель «поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость»³. «Его мировое значение как художника, — подчеркивал Ленин, — его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции»⁴. Ссылки на эти слова Ленина переходили из одной работы в другую.

Как и можно было ожидать, в «Историях русской литературы», подготовленных в странах так называемой «народной демократии», будет много общего с аргументацией и выводами их советских коллег. Приведу мнение крупнейшего румынского ученого-гуманитария XX в., Тудора Виану, точка зрения которого, изложенная в его «Сравнительной истории мировой литературы» (1963) приводится авторами «Истории русской литературы», изданной в Бухаресте в 1968 г.:

О специфических чертах русской литературы много говорилось уже с того момента, как она вышла на мировую арену, и все человечество услышало совершенно новый голос в поэтической симфонии мира. Новизна этого голоса объясняется, между прочим, и тем, что русские писатели XIX века жили жизнью своего народа, не только принимая в ней участие, что характерно для всех больших литературных эпох, но и стремясь внести свой вклад в разрешение множества конфликтов, появившихся в недрах старого строя. Тот, кто вдумчиво перечитывает сегодня Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова и столько других, видит, как в них формируется тот идеал и то стремление к действию,

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1973. Т. 20. С. 20.

⁴ Там же. С. 19.

которое неминуемо должно было привести сначала к революции 1905 года, а затем к Великой революции 1917 года⁵.

В значительно меньшей степени эти взгляды отразились в работах, изданных на Западе. Д.П. Святополк-Мирский, автор одной из самых ярких историй русской литературы, явно выдает желаемое за действительное, утверждая:

Западные историки русской литературы обычно с самого начала оповещают своих читателей о том, что русская литература отличается от всех других литератур мира своей тесной связью с политикой и историей общества. Это просто неверно. Русская литература, особенно после 1905 г., кажется удивительно аполитичной, если вспомнить, каких колоссальных политических катаклизмов она была свидетельницей. Даже разрабатывая «политические» сюжеты, современные русские писатели остаются по сути аполитичными — даже когда они заняты пропагандой (как Маяковский), она в их руках превращается не в цель, а в средство [5, с. 2].

Однако, как ни парадоксально, эта точка зрения, известная в СССР каждому школьнику, впервые в полной мере были сформулированы и обоснованы в книге испанской графини Эмилии Пардо Басан «Революция и роман в России», изданной в 1887 г., т. е. через год после появления книги Вогюз и не получившей распространения, кроме, конечно, самой Испании и стран Латинской Америки⁶. Разумеется, не может быть никаких сомнений в том, что эта книга не была известна Ленину.

Более того, марксистская наука, как в СССР, так и в других странах, не подозревая об этом, скорее следовала за Пардо Басан, чем за Лениным. Советские литературоведы, которые впоследствии во всех своих работах повторяли слова Ленина и ссылались на его авторитет, писали о том, что русская литература, теснейшим образом связанная с общественной жизнью, *готовила* русскую революцию, между тем как, строго говоря, Ленин писал скорее о другом, о том, что Толстой в своем творчестве, будучи большим художником, *не мог не отражать* революционную ситуацию и надвигающуюся революцию. Между тем с точки зрения испанской графини русская литература и предвосхищала революцию, и *готовила* ее.

⁵ Kovacs A., Gane T., Zega N., Ghijitchi A., Loginovski E. *Istoria literaturii ruse. Secolul XIX*. Bucuresti: Editura didactica si pedagogica, 1968. Vol. I. P. 6–7.

⁶ См.: Pardo Bazán E. *La Revolución y la novela en Rusia*. Madrid: [S. n.], 1887. 451 p.

Выводы книги испанской романистки, никогда не бывавшей в России, не знавшей русского языка, коренным образом отличаются от выводов Вогюэ, имевших для нее большое значение, и обусловлено это было тем, что концепция Пардо Басан рождалась под перекрестным влиянием французских литераторов и русских революционеров-эмигрантов, с которыми она познакомилась в Париже. Двоих из своих русских друзей назвала сама писательница — это Исаак Яковлевич Павловский (1852–1924) и Лев Александрович Тихомиров (1852–1923). Из других русских источников следует упомянуть книги С.М. Степняка-Кравчинского «Подпольная Россия» и «Россия под властью царей»⁷. Под влиянием их идей о предстоящем крутом переломе в жизни России, стоящей на пороге великих, еще не виданных в Европе событий, испанская графиня отмечает, что «никчемные листки западных конституций» были разорваны в России непрочитанными и, пророчествуя, утверждает, что «русская революция не удовлетворится тем, чем удовлетворились западноевропейские»⁸.

Испанская писательница предложила совершенно неожиданный для Западной Европы 80-х гг. XIX столетия подход к определению национального своеобразия русской литературы. Своеобразием этого подхода является перенос центра внимания с внутреннего достоинства произведений знаменитых русских писателей на проблему отражения в русском романе общественной борьбы в России. Благодаря своим русским знакомым испанская графиня первой в Европе обратила внимание на непосредственную, причинно-следственную связь между русской литературой и набиравшим силу революционным движением в России. Писательница ставит перед собой задачу проследить формы отражения исторического развития и социальных идей в современном русском романе, не упустить из виду, что «по венам русской литературы текут социалистические и коммунистические идеи»⁹. Более того, романы русских писателей, с ее точки зрения, как отражали предреволюционную ситуацию в России, так и участвовали в ее формировании.

Таков в концентрированном виде взгляд Пардо Басан на национальное своеобразие русской литературы. При этом как литература, так и «революция» вызывали у нее, представителя западной цивилизации, двойственное чувство, как неподдельного восхищения, так и тревоги.

⁷ Багно В.Е. Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л.: Наука, 1982. С. 41–43.

⁸ Pardo Bazán E. La Revolución y la novela en Rusia. Madrid: [S. n.], 1887. P. 224–225.

⁹ Ibid. P. 102.

Можно лишь удивляться тому, что, при всем многообразии подходов и оценок как классического русского романа второй половины XIX столетия, так и русской литературы в целом, ее периодизации и эстетических особенностей, судя по всему в осмыслении национального ее своеобразия исследователи во многом сохраняли верность двум ярким концепциям, двум «текстам-архетипам»» (именно «архетипам», поскольку книга «Революция и роман в России» Пардо Басан, строго говоря, не является «источником»), одна из которых возникла в полемике с позитивизмом и натурализмом, а вторая в свою очередь полемична по отношению к первой. В то же время очевидно, что сочинение Пардо Басан во многом уступает книге Вогюэ, выдающемуся литературному манифесту XIX в., как глубиной постановки вопросов, так и влиянием на умы нескольких поколений интеллектуалов и любителей литературы во многих странах мира. Однако столь же очевидно, что в России имя испанской графини также не должно быть забыто.

Придется согласиться с тем, что для мировой культуры наибольшее значение имело то представление о русской литературе, которое формировалось в России, благодаря русским собеседникам Вогюэ и, разумеется, ему самому, получило резонанс в мире и которое может быть истолковано как «русский текст» в мировой культуре¹⁰. В то же время наиболее распространенные представления о национальном своеобразии русской литературы послужили основой ее литературной репутации в инациональной среде.

За русской литературой на долгие времена закрепились, как в *commedia dell'arte*, характерная роль. В какой-то мере она должна была либо играть ее, либо идти наперекор, порождая обманутое ожидание и сопротивление в связи с этим обманутым ожиданием.

«Русский текст» является неотъемлемой частью русской литературы. При этом далеко не вся русская литература входит в «русский текст» мировой культуры.

Полной ясности, разумеется, нет и в разговоре о «Петербургском тексте» русской литературы, представление о котором благодаря В.Н. Топорову все мы имеем [6]. Что же касается русского текста мировой культуры, то с полной определенностью можно говорить лишь о том, что в него точно входит или определенно не входит. Но зона туманных сомнений еще более явственна.

¹⁰ Работы, в которых по аналогии с «Петербургским текстом» русской литературы излагаются собственные представления о «русском тексте» русской литературы, не имеют отношения к нашей теме. См., например: [1].

Основу «русского текста» составляет классическая русская литература XIX в., великий русский роман, русская классика, в отношении к которой совпадают деятели культуры России и Э.-М. де Вогиюз. Это романы Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, «Записки охотника» и романы И.С. Тургенева, творчество А.С. Пушкина (прежде всего «Евгений Онегин», «Борис Годунов» и «Медный всадник»), Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова (прежде всего поэмы), романы И.А. Гончарова (прежде всего «Обломов»), творчество Н.С. Лескова.

Русский текст литературы советского, а тем более постсоветского периодов опознаваем с большим трудом. И все же опыт и интуиция вполне могут подсказать нам, есть основания или нет оснований включать в него того или иного автора, то или иное произведение. Хотя именно в этом вопросе огромное значение имеет мнение наших зарубежных коллег. При этом почти безошибочная «подсказка» в одном случае будет «этического», а в другом «эстетического» характера. С определенными оговорками в него, видимо, входят А.П. Чехов, Л.Н. Андреев, И.А. Бунин.

Главную проблему представляет не советская литература, как, казалось бы, можно было бы ожидать, а литература модернизма. Однако, бесспорно, в него входит едва ли не весь А.А. Блок, входят А.А. Ахматова и Б.Л. Пастернак, как ранним, так и поздним творчеством. Без особого труда можно более или менее убедительно включать в него творчество Максима Горького, как раннего, так и позднего, а также творчество Булгакова. По всей видимости, не входит почти вся литература авангарда. Без сомнения, входит «Тихий Дон». Входят И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.М. Пришвин, К.Г. Паустовский. Входит А.И. Солженицын, входят писатели-«деревенщики». Знаменательно, что в русский текст мировой культуры без каких-либо обсуждений безоговорочно был включен роман Е.Г. Водолазкина «Лавр». Знаменательно, что по версии газеты «The Guardian», наряду с «Преступлением и наказанием» Достоевского, роман «Лавр» вошел в топ-10 лучших книг мировой литературы о Боге¹¹.

Судя по всему, можно констатировать, что судьба русской литературы, отвечавшей чаяниям о «русском тексте», и той литературы, которая не собиралась им соответствовать, в мире в XX – начале XXI вв. была различной. Как известно, русский авангард изменил лицо европейского авангарда в живописи, в кинематографе, в театре,

¹¹ Griffiths N. Top 10 novels about God // The Guardian. 2017. December 6. URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/dec/06/top-10-novels-about-god> (дата обращения: 03.03.2025).

в архитектуре. Что касается литературы, то, пожалуй, за исключением Маяковского и позже Хармса, ее приняли значительно более сдержанно, чем все новые версии давней характерной роли, наследуемой памятью нескольких поколений.

Тем большее значение имеют исключения из правила, те русские авторы, те русские книги, не вписывающиеся в прокрустово ложе «русского текста», но которые, вне зависимости от него, запомнились и полюбились не только в России, но и за рубежом. Это «Петербург» Андрея Белого, это В.В. Маяковский, М.И. Цветаева, это поэзия и проза Д.И. Хармса, это, возможно, Д.А. Пригов, В.В. Ерофеев, В.Г. Сорокин.

Сборник рассказов «Русские цветы зла» [4] (Сорокин, Виктор Ерофеев и др.) на Западе в литературных кругах был принят сочувственно, но без особого энтузиазма. Впрочем, эстетика знала как минимум уже бодлеровские «Цветы зла», так что главное о них ей уже было известно. Однако, с точки зрения европейской эстетики, не ведая стыда, расти они должны были в Европе, а в России почва обязана была порождать совсем другие растения.

Подводя итоги, можно сказать, что русская литература на протяжении вот уже полутора веков пытается вырваться из амплуа характерного актера, все новых вариаций «русского текста», тех ролей, в которых ей нет равных. Нельзя сказать, что ей это удастся, нельзя утверждать, что у нее это не получается. В динамическом напряжении этих двух противоборствующих начал — залог ее возможного успеха и в будущем.

Литература

1. *Большев А.О.* Русский текст: К постановке проблемы // Мир русского слова. 2016. № 1. С. 67–72.
2. История русской литературы XX века: Серебряный век / [В. Страда, Ж. Нива, Е. Эткинд и др.]; под ред. [и с предисл.] Ж. Нива и др. М.: Прогресс-Литера, 1995. 704 с.
3. К истории идей на Западе: «Русская идея» / под ред. В.Е. Багно и М.Э. Маликовой. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома. Петрополис, 2010. 648 с.
4. Русские цветы зла: Родная проза конца XX в.: Лучшие писатели: [Антология / сост. и авт. вступ. ст. В. Ерофеев]. [2-е изд., испр.] М.: Подкова, 1997. 504 с.
5. *Святополк-Мирский Д.П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Изд-во «Свинын и сыновья», 2006. 872 с.
6. *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 612 с.

The Reputation of Russian Literature Abroad and the Russian Text of World Culture: Towards the Formulation of the Problem

© 2025. Vsevolod E. Bagno

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article outlines the concept of the difference between the foreign reputation of Russian literature and its reputation in Russia, the basis of which was formed by the most widespread ideas about the national originality of Russian literature. For the world culture, in the author's point of view, the greatest significance was the idea of Russian literature, which consisted in the intense search for the meaning of life, active compassion for man, interest in the moral side of the human personality, and which, thanks to Eugène-Melchior de Vogüé's book *Russian Novel* (1886), resonated in the world. By analogy with Vladimir Toporov's theory of the "Petersburg text" of Russian literature, those works of Russian literature which, for subsequent generations of fans of Russian literature throughout the world, met and meet this reputation, can be interpreted as the "Russian text" of world culture.

Keywords: The reputation of Russian literature abroad, Russian text of world culture.

Information about the author: Vsevolod E. Bagno, Corresponding Member of RAS, DSc in Philology, Scientific Supervisor, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1408-5511>

E-mail: vsbagno@gmail.com

For citation: Bagno, V.E. "The Reputation of Russian Literature Abroad and the Russian Text of World Culture: Towards the Formulation of the Problem." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 347–357. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-347-357>

References

1. Bol'shev, A.O. "Russkii tekst: K postanovke problem" ["Russian Text: A Problem Statement"]. *Mir russkogo slova*, no. 1, 2016, pp. 67–72. (In Russ.)
2. Strada, V., G. Niva, E. Etkind at al., editors. *Istoriia russkoi literatury XX veka: Serebrianyi vek* [*The History of 20th-Century Russian Literature: Silver Age*]. Moscow, Progress-Litera Publ., 1995. 704 p. (In Russ.)

3. Bagno, V.E., and M.E. Malikova, editors. *K istorii idei na Zapade: "Russkaia idea"* [*On the History of Ideas in the West: "The Russian Idea"*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Petropolis Publ., 2010. 648 p. (In Russ.)

4. *Russkie tsvety zla: Rodnaia proza kontsa XX v.: Luchshie pisateli: Antologiiia* [*Russian Flowers of Evil: The Native Prose of the Late 20th Century: The Best Writers: Anthology*], comp. and introd. article by Viktor Erofeev. [2nd ed., corr.] Moscow, Podkova Publ., 1997. 504 p. (In Russ.)

5. Sviatopolk-Mirskii, D.P. *Istoria russkoi literatury s drevneishikh vremen po 1925 god* [*The History of Russian Literature from Ancient Times to 1925*]. Novosibirsk, Svin'in and Sons Publ., 2006. 872 p. (In Russ.)

6. Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye Trudy* [*The Petersburg Text of Russian Literature. Selected Works*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2003. 612 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.03.2025

Одобрена после рецензирования: 16.06.2025

Дата публикации: 25.12.2025

The article was submitted: 04.03.2025

Approved after reviewing: 16.06.2025

Date of publication: 25.12.2025